

Красная звезда - 1995 - 24 сент.

Люди и судьбы

Наступление развивалось стремительно: 31 августа 1944 года, спустя полторы недели после начала Яско-Кишиневской операции, советские войска вошли в Бухарест. Среди сохранившихся в целости зданий нам, фронтовым кинооператорам, показали угловую полуротонду, в которой разместился ресторан «Петр Лещенко». Хозяин одноименного ресторана, подданный Румынии, был жив-здоров. Несколько месяцев назад он вернулся из Крыма, где, будучи офицером королевской армии, служил в румынских тыловых частях... Судьба загадочного русского певца нас, конечно же, очень интересовала. А тут еще в один из последних дней моего пребывания в Бухаресте стало известно: по просьбе работников политуправления 2-го Украинского фронта maestro согласился спеть для советских офицеров.

...Небольшая сцена с открытым занавесом, в углу рояль, зал заполнен едва на четверть. Приглашения были персональными: работникам фронтовой и армейской печати, группе кинооператоров, пишущим и снимающим корреспондентам центральной прессы, некоторым штабным офицерам среднего звена.

И вот мы рассаживаемся в небольшом зрительном зале Бухареста, чтобы встретиться с Лещенко с глазу на глаз. Сладкое ощущение греха и причастности к чему-то запретному охватывает, как в студенческие годы.

Выход певца встретили восторженными холодными аплодисментами, что, конечно, он не мог не заметить и слегка смутился. Моему былому представлению о внешности Лещенко не соответствовало ничто, кроме черной бабочки. На сцене стоял лет сорока пяти, выше среднего роста мужчина, слегка располневший, с породистым, но уже успевшим пожухнуть лицом. Острые, глубоко посаженные глаза его рассматривали нас с

настороженностью. Тонкие губы. Слегка нависающий нос с подвижными нервными ноздрями. Одет в обычный темный костюм, черные повседневные туфли.

Певец положил на свободный стул футляр с гитарой, слегка выступил вперед и представил вышедшую с ним молодую красивую шатенку, значительно уступающую ему в возрасте:

- Вера Георгиевна Белоусова - моя жена.

Раздались громкие продолжительные аплодисменты. Мы не были бы мужчинами и патриотами, если бы не отдали должного красоте и молодости нашей соотечественницы. Так вот и получилось, что подмастерье удостоился более теплого приема, чем мастер. Вера Белоусова-Лещенко в течение всего концерта аккомпанировала на аккордеоне, только однажды сама спела песню, кажется, это была «Мама» Табачникова. Рояль, насколько я помню, не открывался.

Лещенко наклонился к стулу, открыл черный с бархатной обивкой внутри футляр и, взволнованный не меньше нас этой встречей с непредсказуемой развязкой, достал гитару. Программу вел сам, предваряя исполнение каждой песни короткой, в одну-две фразы репликой или просто называя автора музыки: Марк Марьяновский, Ефим Склиаров, Оскар Строк...

С каждой новой песней скованность артиста и наша отчужденность таяли. Интимность переживаний, печаль и надежды, облаченные в трогательные слова и мелодии, помноженные на искренность исполнения и талант, находили путь к нашим солдатским сердцам, более трех лет оторванным от родных очагов. А на войне, как известно, потребность в лирике ощущается во сто крат острее.

Вторая половина встречи началась с коротких лирических песен. Будучи одним из первооткрывателей этого жанра и автором слов многих из этих песен, Лещенко сумел очаровать нас необыкновенной легкостью и вместе с тем одухотворенностью исполнения этих простых, казалось бы, «вещичек». «Купите бублики», «У самовара», «Марфуша-черноока», «Моя Марусечка», «Андрюша», «Чуб-

«Безыдейно, упадочно, но... несомненно, талантливо»

чик»... Написанные в легко запоминающихся танцевальных ритмах, модных в двадцатые-тридцатые годы, эти немного легкомысленные, ни к чему не обязывающие миниатюры о любви, верности, дружбе, встречах и расставаниях, разлуках и печалях оказались созвучными чувствам и настроениям каждого из нас независимо от возраста. Неудивительно, что некоторые из них Лещенко пришлось исполнять дважды.

Заканчивался концерт песней, которую я назвал для себя «Тоска по Родине». Официально этот романс-танго Жоржа Ипсиланти был назван несколько иначе: то ли «Письмо», то ли «Послание из Бухареста», или что-то в этом роде. Но это была самая настоящая, полная сладостной печали, наша солдатская тоска по Родине.

*Я тоскую по Родине,
По родной стороне своей.
Я в далеком походе теперь,
Не по русской земле.*

Последние аккорды гитары утонули в шквале аплодисментов. У многих повлажнели глаза. Песня казалась великолепной по словам, по музыке, по тексту - как для самих исполнителей, так и для нас, находившихся сейчас «в далеком походе не по русской земле».

После многократных вызовов и повторного исполнения «Тоски...» на «бис» устроители встречи понесли за кулисы цветы, а мы, не торопясь, покидали зал. Вспоминали, кто, когда, где и при каких обстоятельствах впервые услышал ту или иную песню, обменивались впечатлениями. Суждения были противоречивыми.

- Конечно же, это безыдейно,

упадочно, сомнительно по части вкуса, - отдавали дань времени многие, - но... несомненно, талантливо по исполнению.

- И при этом национально...

Кто-то вдруг начал припоминать отдельные эпизоды биографии Лещенко, называя его не иначе, как Петром Константиновичем и ставя рядом с Вертинским.

Сравнение судеб Лещенко и Вертинского, вернувшегося год назад в Россию и хорошо там принятого, было естественным.

- Это люди с совершенно разными анкетами, - трезво и убедительно разрешил все споры пожилой кадровик из политуправления. - Вертинский, как певец, сложился задолго до Октября. Если что и прибавилось у него в эмиграции, то лишь тоска по Родине.

- Другое дело Лещенко, - продолжал кадровик. - Прапорщик русской армии, во время гражданской войны попал в плен к румынам и что у них делал семь

лет, пока не известно. Впервые стал петь в кинотеатрах Парижа, женился на эмигранткелатышке. Потом открыл в Бухаресте свой ресторан. Наконец, с сорок первого служил переводчиком и специалистом тыла в румынской армии. Даже в оккупированной Одессе умудрился открыть ресторан... Улавливаете разницу?

- Разницу улавливаем, - ответил я, - но только пел он все равно здорово. И душа его в это время была не в Бухаресте, а в России...

Позже Петр Лещенко дал еще несколько концертов для советских офицеров. Но мы к тому времени уже покинули столицу Румынии и устремились вдогонку за наступающим фронтом...

Евгений ЯЦУН.